

О MORFOHOЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія; Соціальні комунікації. Випуск 27.

УДК 821.161.1'06: 821.161.1'04;

Бекасова О. Про морфонологічну обумовленість словотвору віддієслівних іменників в історії російської мови; 9 стор.; кількість бібліографічних джерел – 10; мова російська.

Анотація. У статті розглядається проблема достовірності лексикографічного матеріалу «Словаря живого великорусского языка» В. І. Даля. Дослідження однієї з «слабких ланок» словника – віддієслівних іменників, визначуваних Етнографічним Відділенням Російського Географічного Товариства як слів «сумнівної властивості», – з урахуванням їх історії в системі церковнослов'янської і російської мов дозволяє довести реальність фіксації В. І. Далем мовних фактів.

Ключові слова: морфонологічна система, віддієслівні іменники, словник В. І. Даля.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля – подлинная сокровищница народной речи – таит в себе поистине неисчерпаемые богатства для изучения процессов становления норм современного русского литературного языка. «Сбор запасов из живого языка» [1, с. XLVIII] позволял В.И. Далю фиксировать разнообразный инвентарь русского национального языка, в том числе множество переходных явлений и потенциальных ресурсов русского языка. Эти системные варианты, не вошедшие в образованный узус, вызвали приговор Этнографического Отделения Русского Географического Общества, заявившего, что В.И. Даль «помещает в словарь народного языка слова и речи противные его духу, и следовательно, по-видимому, вымышленные, или по крайней мере весьма сомнительного свойства» [1, с. XCIV].

К сожалению, такие обвинения в адрес В. И. Даля и его вынужденные оправдания создали некий флёр неистинности и надуманности «Толкового словаря живого великорусского языка». До сих пор богатство словаря и порядочность его составителя подвергаются сомнению как в научном, так и в обыденном сознании. Отношение к нашему достоянию – прекрасная иллюстрация специфики русской ментальности («что имеем не храним», «не то он украл, не то у него украли, но была там некрасивая история»), поэтому многие верят в «мошеничество» со словами.

В.И. Даль понимал сложность и определённую трагичность своего положения, которое усугублялось тем, что его словарь представлял «сбор запасов из живого языка, не из книг и без учёных ссылок» [1, с. XLVIII]. Но у него было чёткое видение своей деятельности как подвижничества: «это труд не зодчего, даже не каменщика, а работа подносчика его, но труд целой жизни, который сбережёт будущему на сем пути труженику десятки лет» [там же]. «много ещё надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова, привести их в стройный порядок и составить полный, хороший словарь; но без подносчиков палаты не строятся; надо приложить много рук, а работа черна, невидная, некорыстная» [1, с. XXIII]. Восприятие себя как труженика и подносчика будущим зодчим

были естественны для В.И. Даля, для которого «составитель словаря не укащик языку, а служитель, раб его» [1, с. XLI].

Однако для отмены «приговора» необходимо доказать порядочность человека и отстоять его «труд целой жизни». В связи с этим целью данной статьи является определение достоверности данных «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля на материале отглагольных существительных. Такие исследования актуальны как в плане корректности лексикографического материала, так и для выявления потенциальных возможностей системы русского языка.

Судя по обвинениям, данные существительные были зачислены в группу «вымышленных» и «сомнительных» слов, так как В.И. Даль в «Ответе на приговор» вынужден был ещё раз подчеркнуть: «Каждый глагол сам собою даёт от себя целое гнездо производных, даёт существительныя, прилагательныя, наречия и пр. Из этих слов, как я указал примерами в передовой статье своей (Речь в Общ. Любит. Слав.), и половины нет в прочих словарях; я старался пополнить пропуски эти – но на кого я сошлюсь, если бы потребовали у меня отчёта, откуда я взял такое-то слово? Я не могу указать ни на что, кроме самой природы, духа нашего языка, могу лишь сослаться на мир, на всю Русь, но не знаю, было ли оно в печати, не знаю, где и кем и когда говорилось. Коли есть глагол: *пособлять, пособить*, то есть и *посабливать*, хотя бы его в книгах наших и не было, и есть: *посабливанье, пособленье, пособь* и *пособка* и пр. На кого я сошлюсь, что слова эти есть, что их не придумал? На русское ухо, больше не на кого» [1, с. XCV].

В лекции «О русском словаре» В.И. Даль, говоря о словах, пополняющих его труд, вновь останавливается на особенностях образования отглагольных существительных: «Большая часть полных глаголов, особенно предложных, дают непосредственно *четыре* существительных: два среднего рода – одно из них от неопределённого или длительного вида, другое от окончательного, два остальных, одно мужеского, другое женского рода, одинаково относятся к обоим видам. <...> Я ставлю их при глаголах всюду, и стараюсь, приводимыми

примерами, обращать на них внимание читателя» [1, с. XLVII].

Наши исследования особенностей реализации рефлексов *dj, *tj в истории русского литературного языка предоставляют возможность проследить соответствие показаний Словаря В.И. Даля системе русского национального языка. Особый интерес в этом плане представляет образование отглагольных существительных с суффиксами *-ени[j]-*, *-ни[j]-*. Данные суффиксы «имеются во всех славянских языках», однако, «несомненно, что в старославянском языке продуктивность образований на *-ни[j]-*, *-ени[j]-* и других резко возросла» [2, с. 34–35]. В частности, в «Slovník'e jazyka staroslověnského» (ČSAN) [10] практически каждый глагол имеет существительное на *-ние*. Прочное освоение переводной литературы, появившейся в Киевской Руси в связи с принятием христианства, было одним из важных факторов расширения и дальнейшего развития лексического состава восточнославянского и русского языков, обогащения их словообразовательных возможностей. В результате этого на русской почве активизируется употребление существительных с суффиксом *-ени[j]-*, перед которым реализуются генетически неоднородные рефлексы *dj, *tj.

Рано подвергшийся фонетической ассимиляции южнославянский рефлекс *tj позволил закрепиться чередованию [т'/щ] в абсолютном большинстве генетических старославянизмов и лексем, активизировавшихся под влиянием старославянского языка, которые были широко представлены в памятниках письменности, особенно в произведениях, отражающих христианское мировоззрение и связанные с ним представления. Вследствие этого в позиции перед суффиксом имён существительных *-ени[j]-* в абсолютном большинстве случаев реализуется альтернант [щ]: *порабощение*, *защипление*, *возвращение* и др. [3].

Низкая степень фонетической освоенности южнославянского *dj на русской почве осложнила процесс закрепления соответствующего типа чередования, в результате чего альтернант [жд] входит (нередко на правах малоупотребительного члена) в состав смешанного типа чередования [д'/ж/жд], который был представлен широким кругом образований от корней типа *-град-*, *-вод-*, *побед-*, *-род-*, *-суд-* и др. Данный тип чередования реализовался в церковнославянском языке (русской редакции) и во всех типах древнерусского литературного языка. Употребление генетически неоднородных альтернантов смешанного типа чередования, просуществовавшего до конца XVIII в., регулировалось целым рядом факторов лингвистического и экстралингвистического характера, большинство из которых только намечалось и в дальнейшем не получило развития и закрепления в русском литературном языке [4]. Однако важнейшим фактором, регулирующим реализацию гетерогенных рефлексов *dj, следует признать позицию, в которой происходит альтернация. Наиболее ярко тенденция к преимущественному использованию определённого по происхождению рефлекса *dj

проявляется в позиции перед суффиксом *-ени[j]-*, в которой в 78% случаев отдаётся предпочтение южнославянскому альтернанту: в исследованных нами источниках XI–XVII вв. более 2 800 примеров [подробнее см. 5].

В XVI–XVII вв. прослеженная закономерность употребления гетерогенных рефлексов в отглагольных существительных на *-ение* по-прежнему остаётся актуальной в отличие от большинства других тенденций, которые с полным правом можно квалифицировать как «эфемеризмы» (Ф.П. Филин). В целом, в этот период происходит формирование новых отношений в морфонологической системе типов чередований с рефлексами *dj и *tj, для которых важным становится закрепление альтернантов определённой языковой принадлежности за конкретными корнями и позициями. В связи с этим смешанный тип альтернации [д'/ж/жд] начинает разрушаться, и постепенно восстанавливается параллелизм в реализации рефлексов *dj и *tj, который в самом начале столкновения генетически неоднородных компонентов на восточнославянской почве был нарушен недостаточной освоенностью южнославянского [жд]. Памятники данного периода чётко фиксируют две позиции, за которыми достаточно жёстко закрепляются гетерогенные рефлексы *dj. Наиболее типичной для [ж] становится позиция перед суффиксом *-ива-*, причём следует отметить, что, в отличие от другой типичной позиции перед окончанием 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени, здесь не было другой альтернативы. Перед суффиксом *-ени[j]-* предпочтение, как и ранее, отдаётся рефлексу южнославянского происхождения.

Возникшая в результате длительного существования гетерогенных альтернантов *dj в пределах смешанного типа чередования [д'/ж/жд] морфонологическая дублетность существительных в принципе осознаётся как принадлежность различным языковым системам, например в «Лексиконе» Памвы Беринды (1627 г.), где они сопровождаются пометами «словенское» и «российское», например: *рождение – рожение* [7, с. 109], *отвращенье – отвороченье* [7, с. 145], *заграждение – загороженье* [7, с. 40], *отсуждение – отсуженье* [7, с. 15] и др. Подобное разграничение встречается и в XVIII в. В частности, в рукописном лексиконе В.Н. Татищева (30–40 гг.) существительные в гетерогенном оформлении соотносятся как стилистически нейтральные и общеупотребительные (русские) и стилистически окрашенные, высокие (славянские) [2, с. 122], например: *освобождение – освобожденье* [8, с. 88], *кажение – каженье* [8, с. 48] и под. Однако на смену данной морфонологической дублетности приходит словообразовательная вариантность имён существительных на *-ение* и *-ивание*.

Особую продуктивность подобная вариантность достигнет в XIX в., когда окончательно укрепилась и дифференцировалась формо- и словообразовательная база лексем с восточнославянским типом чередований. В качестве рудиментов она сохраняется в современном русском литературном

языке. В XVIII–XIX вв. во всех исследуемых источниках активизируются образования с суффиксом *-ива-*, что коренным образом изменило судьбу генетически неоднородных рефлексов *dj и *tj на русской почве, так как восточнославянские по происхождению типы чередования, приобретая формо- и словообразовательную самостоятельность и высокую степень продуктивности, окончательно оттеснили южнославянские по происхождению альтернативы на периферию морфонологической системы русского литературного языка [6]. Колебания литературной нормы в закреплении определённых существительных из трёх возможных моделей особенно интенсивны в XIX в. И в этом плане весьма показательны данные двух словарей – «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. ср.: *оцеждение–оцежение–оцеживание*; *всаждение–всажение–всаживание*; *посаждение–посаженье–посаживание–посажание*; *отсаждение–посаженье–посаживание–посажание*; *отсаждение–отсажение–отсаживание*; *загаждение–загажение–загаживание* и др.

Наличие морфонологических вариантов и в словаре В. И. Даля, и в словаре 1847 г. позволяет подтвердить объективность лексикографического материала «Толкового словаря живого великорусского языка», а также выгодно оттенить его словарное богатство по сравнению со словарём Академии наук 1847 г. Специфика словаря В.И. Даля как словаря «живого языка», причём периода незначительной фиксации этого языка в письменности, всегда будет определять соблазны обвинений автора в «сомнительных свойствах» его труда. Отстоять достоверность показаний таких словарей возможно лишь на широком историческом фоне развития языковой системы, который позволяет «высветить» различные пути её развития и достаточно полную картину сосуществования, взаимодействия и конкуренции языковых фактов.

Сопоставление данных двух словарей показывает, что по-прежнему конкурируют существительные на *-ждение* и *-жение* типа *глаждение–глажение*, *гаждение–гажение*, *присуждение–присужение*, *утверждение–утвержение*, *побуждение–побужение* и под. Данные морфонологические дублиеты следует расценивать как следы прежних отношений гетерогенных рефлексов *dj в смешанном типе чередования. Подобных дублиетов с гетерогенными альтернативами практически нет для существительных с рефлексом *tj, который, ассимилировавшись на русской почве, стал членом южнославянского по происхождению типа чередования. Однако и для рефлексов *tj, и для рефлексов *dj словари фиксируют значительное количество вариантов на *-жение/-живание*, *-чение/-чивание*, например: *омоложение–омолаживание*, *перелажение–перелаживание*, *перепружение–перепруживание*, *заглажение–заглаживание*, *вворочение–вворочивание* (*за-*, *на-*, *при-*, *от-*, *раз-*, *по-*, *под-*, *пере-*, *из-*, *вы-*), *вколочение–вколочивание* (*вы-*, *за-*, *о-*, *об-*, *пере-*, *под-*, *при-*, *про-*, *рас-*, *с-*, *у-*) и под. Большин-

ство подобных вариантов используется на правах основных и факультативных, и уже к концу XIX в. в литературном языке постепенно закрепляются образования, соответствующие основным принципам организации системы русского языка, например: *отсаживание* вм. *отсаждение*, *отсажение*, *присуждение* вм. *присужение*, *утверждение* вм. *утвержение*, *процеживание* вм. *процежение*, *вымолачивание* вм. *вымолочение* и т.п.

Эволюция типов морфонологических чередований с рефлексами *dj, *tj в современном русском литературном языке происходит в соответствии с теми тенденциями, которые наметились и проявились в результате их формирования и функционирования в предшествующий период. Основным направлением в развитии исследуемой системы является формо- и словообразовательная специализация восточнославянских типов чередования, распад вариантов типа *запружать–запруживать*, *налажение–налаживание* в пользу продуктивных образований с суффиксами *-ива-*. Именно эту тенденцию В.И. Даль отразил в словаре как магистральную линию в развитии образования отглагольных существительных.

Указанная перспектива, зафиксированная в словаре В. И. Даля в виде конкуренции отглагольных существительных, не только определила количественное преобладание в современном русском литературном языке словоформ с альтернативами [ч] и [жс] (соответственно 77,1 % и 82, 92 %) над южнославянскими по происхождению альтернативами, но и значительно усилила продуктивность чередований [т'/ч], [д'/ж]. Данное обстоятельство привело к тому, что альтернативы восточнославянского происхождения [ч] и [жс] преобладают в именах существительных на *-ние* от имперфективов с суффиксом *-ива-* (соответственно 72,4 % и 68,05 %). Если учесть, что данная модель является чрезвычайно продуктивной (практически любой глагол с суффиксом *-ива-* может образовывать соответствующее существительное), а также тот факт, что глаголов типа *запруживать* в 13 раз больше, чем глаголов типа *провождать*, а глаголов типа *завинчивать* в 4 раза больше, чем глаголов типа *ворочаться*, причём их количество постоянно растёт за счёт новообразований, то можно с полным правом говорить о больших потенциальных возможностях данной словообразовательной модели, реализация которых, несомненно, способствует дальнейшему укреплению исконных типов чередований.

Если существительные на *-ение* в восточнославянской огласовке вытеснялись в процессе эволюции словообразовательной и морфонологической систем русского литературного языка, то для южнославянского по происхождению альтернатива модель с суффиксом *-ени[jj]-* является единственно возможной: *учреждение*, *восхождение*, *обращение*, *просвещение* и др.

Сохраняя в словообразовательной системе обе морфонологические модели образования существительных с суффиксом *-ени[jj]-*, что достаточно чётко прослеживается в словаре В.И. Даля,

русский литературный язык в процессе своей эволюции постепенно ограничил их продуктивность и отдал предпочтение возникшему на русской почве словообразовательному типу, по которому образуются многочисленные отглагольные существительные, в том числе и от позднейших заимствований (*засвечивание, опредмечивание* и др.). Всё это является ещё одним достаточно убедительным аргументом в пользу непрерывности развития и исконной основы русского литературного языка, который, вбирая в себя элементы других языковых систем,

развивается по своим собственным законам.

В. И. Даль глубоко понимал, что «живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, целостность и красоту», является «источником и сокровищницей для образованной русской речи» [1, с. XXII]. И именно это способствовало всестороннему отражению в его словаре действующих тенденций развития, в том числе и морфонологической системы русского языка, которые в дальнейшем и закрепились в качестве литературной нормы.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Рус.яз., 2000. – Т. 1, 699 с.
2. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 328 с.
3. Бекасова Е.Н. О специфике чередований с генетически соотносительными рефлексами праславянских сочетаний в русском языке // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. Тезисы докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 20–22.
4. Бекасова Е.Н. О генетической организации системы русского литературного языка // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2005. – № 2. – С. 90–94.
5. Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 208 с.
6. Бекасова Е.Н. Об изучении морфонологических чередований // Русская словесность. – 2005. – № 5. – С. 44–47.
7. Лексикон словенороский Памви Беринди / Підгот. тексту, вступна стаття В. В. Німчука. – К.: Вид-цтво АН УССР, 1961. – 271 с. + XXXVII с.
8. Рукописный лексикон первой половины XVIII в. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. – 401 с.
9. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – Т. 1–4.
10. Slovník jazyka staroslověnského. – Praha, 1968–1973 (ČSAN). – Т. I–III.

Елена Бекасова

О МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема достоверности лексикографического материала «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Исследование одного из «слабых звеньев» словаря – отглагольных существительных, определяемых Этнографическим Отделением Русского Географического Общества как слова «сомнительного свойства», – с учётом их истории в системе церковнославянского и русского языков позволяет доказать реальность фиксации В.И. Далем языковых фактов.

Ключевые слова: морфонологическая система, отглагольные существительные, словарь В. И. Даля.

Elena Bekasova

THE MORFONOLOGICAL CONDITIONALITY OF VERBAL NOUNS FORMATION IN HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGES

Summary. In this article is considered the problem of reliability of a lexicographic material «Explanatory dictionary of live great Russian language» of V.I. Dal. The author researched «weak links» of the dictionary. There are verbal nouns, what Ethnographic Branch of Russian Geographical Society defined as a word of «doubtful property». Their history in system East Slavic and Russian languages allows proving a reality of fixing of V.I. Dal of the language facts.

Key words: morphonological system, verbal nouns, V.I. Dal's dictionary.

Бекасова Елена Николаївна – доктор філологічних наук, доцент кафедри російської мови філологічного факультету Оренбурзького державного педагогічного університету.